

Д.А. Сафонов

Применение наемного труда в крестьянских хозяйствах Дальнего Востока в годы Первой мировой войны

Известие о вступлении России в войну с Германией и Австро-Венгрией дальневосточники получили 1 августа 1914 г. По всей стране была объявлена мобилизация, но дивизии Дальнего Востока продолжали оставаться на местах. И только в конце 1914 г., когда Япония объявила войну Германии, на фронт были отправлены сибирские и дальневосточные части. На местах их заменяли ратники ополчения, которые набирались среди городского и сельского населения. В связи с этим существенно обозначилась проблема — в сельском хозяйстве края возник дефицит рабочих рук. Как писал корреспондент сельскохозяйственного журнала «Приморский хозяин», «призыв в 1914 г. запасных чувствительно отозвался лишь на казачьем населении, не внося почти никакого расстройств в крестьянскую среду; но призыв ратников, которые имелись решительно в каждом доме ... конечно, внёс глубокое расстройство в крестьянское хозяйство и поверг население в уныние»¹. Корреспондент констатировал, что «с призывом ратников рабочий вопрос в крае обострился до высокой степени и прежде всего отозвался на весьма значительном сокращении осенней пашни на 1916 г.»².

Характеризуя среднего крестьянина Амурской области, исследователь Э.М. Шагин обратил внимание: «амурский средний крестьянин предреволюционной поры — это не осколок старого мира, не земледелец-лежебока, ведущий преимущественно натурально или полунатуральное хозяйство... В его лице мы имеем дело с выроставшим на новой экономической почве мелким аграрием, ведущим товарное хозяйство»³. В 1910 г., каждый третий средний хозяин Амурской области с посевом от 10 до 20 дес. прибегал к найму годовых работников, а 71,5% общего их числа пользовались трудом поденных или сдельных рабочих⁴. Поэтому сокращение предложения рабочих рук в годы войны приводило к угрозе значительного сокращения посевных площадей, что автоматически влекло за собой снижение объёма хлебных поставок городу. Неудивительно, что в Амурской области, как и в целом по приамурскому краю, на протяжении войны существовал спрос на рабочие руки, размеры которого во много раз превышал довоенный. По имеющимся данным, в 1917 г. число хозяйств Амурской области, нанимавших годовых и срочных рабочих увеличилось более чем на 1 тыс. по сравнению с 1910 г. Более того, по широте применения наёмного труда в крестьянских хозяйствах Амурская область стояла на 1-м месте среди всех других губерний и областей России⁵.

Требовалось найти выход из трудного положения, складывающегося в результате призыва. Поэтому в преддверии призывной кампании осени 1915 г. Амурское сельскохозяйственное общество обратилось с письмом к Н.Л. Гондатти: «Досрочный призыв молодых людей 3-х старших возрастов, а также и чинов запаса, в период одного года (с 1 сентября) слишком тяжело

отражается на молодых ещё мало опрытных хозяйствах крестьян Амурской области. Опасаясь за неминуемую гибель части предстоящего урожая, Амурское сельскохозяйственное общество почтительнейше ходатайствует перед Вашим Высокопревосходительством, в виде исключения, о временном допущении на сельскохозяйственные работы труда китайцев»⁶. Необходимо иметь ввиду, что с 1910 г. происходит активизация политики русских властей по ограничению деятельности выходцев из Китая в Приамурье. С целью привлечения рабочей силы в край представители Амурского сельскохозяйственного общества просили временно устранить эти запретительные меры, на что получили согласие генерал-губернатора. В результате для производства сельскохозяйственных работ в область было завезено несколько тысяч китайских работников⁷. Однако проблему нехватки рабочих рук в крестьянских хозяйствах с помощью снятия ограничений на китайский труд решить в полной мере не удалось. Так, крестьянин Меркулов из села Семиозёрского Бельской волости сообщал в редакцию журнала «Амурский земледелец» о том, «...что в... Семиозёрском селе в этом году (1916) крестьяне очень нуждаются в трудах жёлтых рабочих, т.к. русских рабочих почти нет. Цены за работы небывалые. В прошлом году после молотбы китайцев никто не брал поденно, а теперь, наоборот, китайцы нанимаются помесечно и, вероятно, весной перед посевом китайцев будут нанимать в годовые сроки»⁸. Отметим, что найм китайских и корейских сельскохозяйственных рабочих по сравнению с наймом русских стоил дешевле. В 1915 г. в Амурской области найм русского батрака на летние работы обходился в 123, 72 руб., тогда как корейского — в 95, 20 руб., китайского — в 91 руб.⁹. Подобные расценки склоняли хозяев Приамурья к найму на работы китайцев и корейцев. В итоге, в годы мировой и гражданской войн произошла дальнейшая экспансия китайского труда и капитала в Приамурье и его пределы, что объяснялось усиленным спросом на рабочие руки в годы войны и товарным голодом, который создавал благоприятные условия для работы китайского торгового капитала¹⁰. В 1917 г. из числа общего сельскохозяйственного населения Приморья в 345 тыс. чел., китайцы составляли 59 тыс. чел., т.е. 17%¹¹.

Привлечение китайского и корейского населения на сельскохозяйственные работы не было единственным средством покрытия убыли из региона рабочих рук. В 1915 г. в Приамурье стали прибывать партии военнопленных и беженцев. Появилась возможность использовать их труд на сельскохозяйственных работах. Так, существовали специальные «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» от 28 февраля 1915 г. и дополнения к ним от 22 апреля и 1 июля 1915 г. Согласно этим правилам военнопленные предоставлялись крестьянам на работы исключительно за плату, размер которой устанавливался местными властями. Оплата формировалась из следующего расчёта: не менее половины выдавалось на руки самим военнопленным, а остальная часть поступала местным властям в счёт возмещения расходов на содержание и охрану военнопленных. Кроме того, военнопленные направлялись на

сельскохозяйственные работы лишь в том случае, если их могли принять партиями до 100 чел., и если срок данных работ составлял не менее трёх месяцев¹². Несмотря на некоторые ограничения, труд военнопленных интенсивно использовался в крестьянских хозяйствах, особенно фермерского типа, которым требовались рабочие руки. Всего по данным Приморского переселенческого управления на сезонных полевых работах, завершившихся 1 ноября 1915 г. трудилось ок. 4 тыс. военнопленных. Из них примерно по 1 тыс. под Хабаровском и Спасском и св. 2 тыс. чел. в Иманском уезде¹³.

Что касается рынка русских наёмных работников, то в годы войны он сократился, иначе не последовало бы ходатайств о привлечении труда китайцев. Ранее пополнение этого рынка осуществлялось в основном за счёт переселенцев. Мобилизация забрала значительное число крестьян, занимавшихся батрачеством. Теперь основу рынка составили крестьяне, сократившие размеры хозяйств, вследствие стихийных бедствий или убыли в армию своих основных работников. Экономист А.М. Брянский отмечал: «Невозможность хозяйственно укрепиться в деревне в результате малоземелья, отсутствия основных средств производства или ряда неудач выбивает хозяйства из колеи, приводя сначала к найму в чужое сельское хозяйство, занятию деревенскими промыслами, и затем к ликвидации собственного сельского хозяйства и к перемещению в город...»¹⁴. Труд русских работников ценился дороже труда китайцев. Однако, за редким исключением, это было вполне оправдано. Например, крестьянин деревни Казанка Амурской области Е. Евдокимов в апреле 1916 г. сообщал в редакцию «Амурского земледельца»: «Относительно жёлтого труда могу сказать одно, что он не продуктивен, и в сравнении с русскими рабочими идти не может. Есть такая работа, где жёлтый затратил на 10 часов, затраченных русским – 30. Русскому платим за десятину сжать 22-24-28 руб., а китайцу — 16-21-23 руб. за ту же десятину на хозяйских харчах. Отсюда видно, что убрать одну десятину русским обходится... в 33 руб. в среднем, считая по 1 руб. в сутки харчи, а китайским на хозяйских харчах — 48 руб.»¹⁵.

О ситуации с наймом работников в крестьянских хозяйствах земледельческой направленности Приморской области можно судить по материалам обследования, проведённого Статистическим отделом приморского переселенческого района зимой 1914-1915 гг. в 39 хозяйствах с общим числом в 275 жителей¹⁶. Согласно данным обследования, 20 старожильческих хозяйств числом жителей 146 чел. нанимали 208 рабочих разных категорий (сроковых, годовых, подённых, сделных), а 19 новосельческих, с числом жителей в 129 чел. — 96 рабочих указанных категорий. Больше всего и старожилы, и новосёлы нанимали подённых рабочих – соответственно 133 и 60 рабочих. Годовых рабочих новосёлы не нанимали вообще¹⁷. Однако найм работников в рассматриваемых хозяйствах практически не был вызван нехваткой рабочих рук в связи с мобилизацией. На момент обследования хозяйств в армии находились только 4 человека¹⁸. Таким образом, старожильческие хозяйства были обеспечены рабочей силой

лучше, чем новосёлы и могли позволить найм более дорогостоящих годовых рабочих. В известном отношении подобная картина была характерна для всех крестьянских хозяйств Приморской области. При этом найм работников в первый год войны зачастую не был обусловлен мобилизациями. Лишь в последующее время, после ряда мобилизационных кампаний влияние войны отразилось на характере и объёмах найма рабочих рук.

Таким образом, в средних и крупных крестьянских хозяйствах Амурской и Приморской областей имеющей земледельческую направленность найм выступал в качестве необходимого средства поддержания больших посевных площадей, а иногда и дальнейшего их расширения. Эти категории хозяйств были в состоянии оплачивать труд военнопленных. В связи с сокращением по мобилизации рынка русских рабочих рук, средние и крупные хозяйства прибегали к найму корейского и китайского населения.

Проблема привлечения рабочей силы крестьянскими хозяйствами промышленной направленности должна в ряде случаев рассматриваться в иной плоскости. Так, особый характер в годы войны имел найм рабочей силы в Удском уезде, приданном в 1914 г. Сахалинской области. По сообщению корреспондента газеты «Приамурье» от 24 июня 1915 г. «в Удском уезде рыбный промысел составляет главное занятие населения, и от величины хода кеты зависит всё благосостояние крестьянина»¹⁹. С уходом части мужского населения по мобилизации рельефно обозначился вопрос о содержании семей мобилизованных. В этих условиях Кербинскому поселковому управлению Удского уезда заведующим водворением переселенцев 21 участка Приморской области 30 марта 1915 г. был направлен циркуляр, в котором местным сельским обществам рекомендовалось, наряду с вопросами по улучшению положения семей мобилизованных, обсудить на сельских сходах и предложение о «принятии обществом пая ушедшего (на войну) по ловле рыбы и вообще пользования рыболовными угодьями с наймом рабочих за ушедшего на войну с тем, чтобы за вычетом всех расходов всё то, что буде выработано и выручено от ловли рыбы целиком было бы выдано семье отправленного на войну»²⁰. Все селения волости этим циркуляром обязывались вынести приговоры о принятых ими мерах по оказанию помощи семьям призванных, где также должно было быть указано число мобилизованных с числом их паевых долей по ловле рыбы и выражено ходатайство о разрешении найма соответствующего числа рабочих, необходимых для обслуживания паевых долей отсутствующих на войне²¹.

Осуществление мобилизационной кампании 1914-1917 гг. на Дальнем Востоке не могло не повлиять на характер использования наемной рабочей силы в крестьянских хозяйствах региона. Этот трудовой ресурс, при правильном распределении, должен был компенсировать убыль по мобилизации рабочих рук, заполнить вакуум, образованный в результате свёртывания переселенческого движения в край, и преодолеть связанную с этим тенденцию к сокращению предложения на рынке наёмных сельскохозяйственных работников. Таким образом, он выступал в качестве

внутреннего трудового резерва. Успешная реализация его функции зависела от политики местной администрации, когда речь шла о разрешении и порядке использования иностранной рабочей силы на сельскохозяйственных работах.

¹ Приморский хозяин. – 1917. – №1/2. январь-февраль.

² Там же.

³ Щагин Э.М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917-лето 1918 гг.). – М., 1974. – С. 77.

⁴ Там же. – С. 77.

⁵ Там же. – С. 52.

⁶ Амурский земледелец. – 1915. – 15 авг., (№16).

⁷ Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября. – Благовещенск, 1962. – С. 67.

⁸ Амурский земледелец. – 1916. – 15 апр. (№ 7/8).

⁹ Сельско-хозяйственный обзор Амурской области за 1915 г. – Благовещенск, 1915. – С. 36.

¹⁰ Архипов Н.Б. Дальневосточный край. – М.; Л., 1929. – С. 39.

¹¹ Там же. – С. 40.

¹² Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914-1918 гг.). – Хабаровск, 2004. – С. 59.

¹³ Там же. – С. 60.

¹⁴ Брянский А.М. Экономическое расслоение дальне-восточной деревни. – Хабаровск, 1925. – С. 5.

¹⁵ Амурский земледелец. – 1916. – 15 апр., (№ 7/8).

¹⁶ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Т. 6, вып.2. Бюджеты приморских крестьян. – Владивосток:[б.и.] 1917 – 147с.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Приамурье. – 1915. – 24 июня.

²⁰ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. И-25. Оп.1. Д.1. Л. 55.

²¹ Там же.